Зеленая книга фантастики

Зеленые холмы Земли

Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт А. Хайнлайн. Зелёные холмы Земли
1
2

Аннотация

Это история о Райслинге, Слепом Певце Космических Дорог…

Любой космопорт был ему домом, любой корабль — личным экипажем. Ни одному шкиперу не приходило в голову отказаться поднять на борт лишнюю массу слепого Райслинга и помятого ящика с аккордеоном. И вот Райслинг сел на старый корабль «Сокол» и отправился в последний раз навестить Землю-матушку…

© tevas

Роберт А. Хайнлайн
Зелёные холмы Земли

1

Это правдивый рассказ о Райслинге, слепом певце космоса — а не прилизанная хрестоматийная версия, Вы, наверное, пели в школе:

Дай, судьба, мне последнюю посадку
На планете, где жизнь мои предки прошли.
Дай увидеть покров голубых облаков
И зеленые холмы Земли!

Стихи в переводе В. Бетаки.

Может быть, вы пели эти стихи по-французски или по-немецки. Или даже на эсперанто, в тот момент, когда сверкающее всеми цветами радуги знамя Земли развевалось над вашей головой.

Неважно, какой это был язык, но это был язык Земли. Никто никогда не переводил «Зеленые холмы» на шепелявый язык жителей Венеры, ни один марсианин не каркал и не шипел, произнося их в сухих туннелях. Эти стихи — наши. Мы, люди Земли, экспортировали все — от голливудских ужасов до синтетических радиоактивных элементов, но эти стихи принадлежат только Земле,

ее сыновьям и дочерям, куда бы их ни забросило.

Все мы слышали много рассказов о Райслинге. Возможно даже, вы, подобно многим другим, зарабатывали ученые степени или славу, занимаясь научным анализом его опубликованных произведений, — будь то «Песни Звездных Путей», «Большой канал и другие стихотворения», «Ввысь и вдаль» или «Старт».

Конечно, вы пели его песни и читали стихи, и в школе, и потом — уже зрелыми людьми, но можно без особого риска держать пари — если только вы сами не человек космоса, — что вы никогда не слышали большинства неопубликованных песен Райслинга, таких, как «Рыжая девочка из Венисбурга», «Когда деляга встретил мою кузину», «Держите ваши штаны, шкипер» или «Скафандр на двоих».

И, к сожалению, мы не в состоянии процитировать их в журнале для семейного чтения.

Репутация Райслинга тщательно охранялась осторожным литературным душеприказчиком, которому очень помогло то счастливое обстоятельство, что интервьюеры безнадежно опоздали. «Песни Звездных Путей» вышли в свет в ту самую неделю, когда их автор умер. И только когда эта книга стала бестселлером, в печати

появились рассказы о Райслинге, собранные из обрывков воспоминаний знавших его людей и сильно приукрашенные его издателями.

В результате традиционный образ Райслинга примерно так же соответствует действительности, как история о топорике Джорджа Вашингтона или о кексах короля Альфреда.

По правде говоря, вы не пустили бы его в свою гостиную. Он был совершенно неприемлем для общества. Хронический солнечный лишай, который он беспрерывно расчесывал, мягко выражаясь, не украшал его и без того неприглядную внешность.

На портрете работы Ван дер Воорта, выполненном для Гарримановского юбилейного издания и выпущенном к столетию со дня рождения поэта, мы видим глубоко трагическое лицо с суровым ртом и невидящими глазами, прикрытыми черной шелковой повязкой. А уж суровым он никогда не был! Рот у него был всегда открыт либо для песен, либо для усмешки, либо для еды, либо для выпивки. Повязкой всегда служила тряпка, и, как правило, грязная. Ослепнув, он стал все меньше и меньше заботиться о своей внешности.

Райслинг, по прозвищу Шумный, был ракетным машинистом второго класса, когда он

подписал контракт на круговой рейс до спутников Юпитера, на «Гошоук», и глаза его были не хуже ваших. Команда подписывала в те дни контракты, освобождающие владельцев от всякой ответственности, а страховой агент рассмеялся бы вам в лицо при одной идее о страховке космонавта. «Закона о мерах безопасности в космосе» не существовало даже в проекте, и компания владельцев отвечала только за регулярную выплату жалованья, и больше ни за что.

Половина кораблей, отправлявшихся дальше, чем до Луна-Сити, никогда не возвращалась. Космонавтов, впрочем, это мало беспокоило. Они предпочитали наниматься за пай в деле, и каждый из них готов был держать пари, что он спрыгнет с двухсотого этажа башни Гарримана и не получит никаких повреждений, если вы ставили три против двух и разрешали ему использовать для приземления резиновые подошвы.

Машинисты ракетных двигателей были самыми беспечными и самыми бесшабашными из всех. По сравнению с ними офицеры, радисты и астронавигаторы (в те дни не существовало ни

суперкарго,[1] ни стюардов) казались кроткими вегетарианцами. Ракетчики знали самое главное. Все остальные надеялись на искусство капитана, который в любом случае обеспечит безопасную посадку. Машинисты отлично понимали, что любое искусство бесполезно против слепых и своенравных — дьяволов, закупоренных в их ракетных двигателях.

«Гошоук» был первым из гарримановских кораблей, перешедших с химических двигателей на ядерные — вернее, первым, который при атом не взордался. Райслинг знал его хорошо, — это была старая калоша, которая уже много лет курсировала на линии Земля — Луна-Сити, точнее, на участке от космической станции Супра-Нью-Йорк до Лейпорта и обратно. Теперь эту развалину переделали для дальних полетов. Райслинг, совершавший на «Гошоуке» регулярные рейсы, завербовался в дальний космический рейс по маршруту Драйуотер на Марсе и ко всеобщему удивлению — обратно.

Если бы все шло нормально, то в полет к Юпитеру Райслинг пошел бы уже главным механиком, но после Драйуотерской разведывательной экс-

---

[1] Примечания: 1

Суперкарго — лицо, ведающее грузами.

педиции он был уволен, высажен в Луна-Сити и внесен в черный список за то, что во время вахты вместо наблюдения за приборами сочинил хоровую песню и несколько стихотворений. Речь идет о скандально знаменитой песне «Шкипер — отец своей команды» с возмутительно непечатным последним куплетом.

На черный список Райслингу было наплевать. В Луна-Сити он выиграл аккордеон у китайца-трактирщика, смошенничав в очко на пальцах, и пел песни шахтерам за выпивку и мелкие подачки, пока огромные потери в рядах космонавтов не заставили агента компании снова дать ему работу. Райслинг не впутывался ни в какие истории и продержался на лунных трассах год или два, а затем снова вернулся на дальние рейсы, помогал создать Венисбургу сомнительную репутацию, прогуливался вдоль Большого канала, когда у древней столицы Марса была основана вторая колония, отморозил себе уши и пальцы на ногах во время второй экспедиции на Титан.

События в те дни развивались в бешеном темпе. Сразу после освоения атомных двигателей корабли один за другим стали покидать систему Земля — Луна, и число их лимитировалось только возможностью набора команд. Ракетных

машинистов не хватало, для уменьшения веса радиационная зашита была снижена до минимума, и риск получить повышенную дозу облучения отпугивал большинство женатых людей. Райслинг не стремился быть отцом, поэтому для него всегда находилась работав эти золотые дни заявочного бума. Он пересекал Солнечную систему вдоль и поперек, напевая песенки, которые кипели в его мозгу, и аккомпанируя себе на аккордеоне.

Капитан Хикс, командир «Гошоука», знал его хорошо: когда Райслинг совершал свой первый рейс на этом корабле, Хикс служил на нем астронавигатором.

— Привет, Шумный, — приветствовал его Хикс. — Вы трезвы или я должен расписаться за вас?

— Разве можно захмелеть от клопомора, который здесь продают, шкипер? — возразил Райслинг, затем он подписал контракт и, взяв свой аккордеон, спустился вниз.

Через десять минут он вернулся.

— Капитан, — сказал он мрачно, — ракетный двигатель номер два не в порядке. Кадмиевые поглотители покорежились.

— Зачем вы говорите это мне? Скажите главному механику.

— Говорил, но он считает, что сойдет и так. Он ошибается.

Капитан ткнул пальцем в книгу контрактов:

— Вычеркните ваше имя и сматывайтесь. Мы стартуем через полчаса.

Райслинг взглянул на него, пожал плечами и опять пошел вниз.

Дорога к спутникам Юпитера не близкая. Должны смениться три вахты, пока калоша класса «Хаук» наберет достаточную скорость для перехода к свободному полету. Райслинг нес вторую вахту. В то время реакторы регулировались вручную, с помощью верньеров и индикатора опасности. Когда на индикаторе загорелся красный огонек, Райслинг попытался отрегулировать двигатель, но безуспешно.

Машинистам-ракетчикам раздумывать некогда, на то они и ракетчики. Райслинг открыл аварийную крышку и начал шуровать «горячий» материал клещами. Внезапно выключилось освещение, но и тогда Райслинг не прервал работы. Ракетчик должен знать силовое отделение не хуже, чем язык знает внутренность рта.

Когда погас свет, Райслинг бросил быстрый взгляд поверх свинцового ограждения. Голубое радиоактивное свечение нисколько ему не помо-

гало, — он отдернул голову и продолжал работать на ощупь.

Когда дело было сделано, он вызвал рубку:

— Двигатель номер два вышел из строя. И, черт подери, дайте мне сюда свет!

Свет включился по аварийной цепи, но не для Райслинга. Голубое радиоактивное свечение было последним, что воспринял его оптический нерв.

2

Пространство и Время — в который раз — пришли «на круги своя».

И звездный свод горит серебром, горькое счастье тая,

И, охраняя Большой канал, а его воде дрожа,

Здесь Башни Истины стоят, ажурней миража.

Давно истлели строители их, забыта мудрость богов,

Чьи слезы поныне плещут в грань хрустальных берегов.

И сердце Марса едва стучит под небом ледяным,

И ветер беззвучно шепчет, что смерть придет ко всем живым…

А башни все те же, и гимн Красоте звучит, как встарь звучал,

Их тонкие шпили о прошлом забыли,
глядясь в Большой канал.

Из сборника «Большой канал»,
С разрешения издательства «Люкс»
(Лондон и Луна-Сити),

На обратном пути они высадили Райслинга на Марсе в Драйуотере; ребята пустили шапку по кругу, и шкипер бросил в нее полумесячное жалованье. Это был конец, — еще один космический бездельник, у которого не хватило счастья и смекалки выйти из игры, пока ему везло. Райслинг покрутился около месяца у изыскателей и археологов в «Куда-Дальше?» и мог бы остаться там навсегда, развлекая их: песнями и игрой на аккордеоне. Но люди космоса умирают, если остаются: на одном месте; он пристроился на краулер до Драйуотера и затем отправился в Марсополис.

Столица переживала период расцвета; заводы по переработке сырья выстроились по обоим берегам Большого канала, отравляя древние воды своими отбросами.

Это было еще до того, как Трехпланетное Соглашение запретило разрушать реликвии древних культур для коммерческих целей; половина стройных, похожих на волшебные замки башен

была срыта, а остальные изуродованы и превращены в герметизированные жилые здания для землян.

Но Райслинг не мог видеть этих изменений, и никто так и не рассказал ему о них; он всегда «видел» Марсополис таким, каким был этот город до перестройки в коммерческих целях. У Райслинга была хорошая память. Он стоял на прибрежной эспланаде, где отдыхали в далеком прошлом великие марсиане, и «видел» красоту, простирающуюся перед его невидящими глазами, — холодную голубую водяную поверхность, не волнуемую ветром, не колеблемую приливом, безмятежно отражавшую яркие, резко очерченные звезды марсианского неба, а также кружевные опоры и летящие башни, слишком хрупкие для нашей собственной громыхающей, тяжелой планеты. И его воображение создало «Большой канал».

Неуловимая перемена в мироощущении Райслинга, позволившая ему видеть в Марсополисе красоту, которой там уже не было, постепенно изменила и всю его жизнь. Все женщины стали для него красавицами. Ведь он создавал себе их образ только по голосам, а лишь низкие духом люди могут говорить со слепым иначе, как с лас-

ковым дружелюбием; даже мегеры, не дававшие своим мужьям ни минуты покоя, смягчали свои голоса для Райслинга.

Он населил свой мир прекрасными женщинами и добросердечными мужчинами. «Мимо Темной Звезды», «Волосы Вероники», «Предсмертная песнь револьвера Вуда» и другие любовные песни скитальцев, мужчин космоса, лишенных женского общества, были непосредственным результатом того, что его восприятие не омрачалось низкими истинами. Это смягчало его подход к жизни и превращало вульгарные вирши в настоящие стихи, а иногда даже в высокую поэзию.

У него теперь было сколько угодно времени для размышлений, для того чтобы искать и находить чудесные слова, чтобы шлифовать свой стих до тех пор, пока он не начинал звучать в его голове по-настоящему.

Размеренный «Гимн ракет»:

Когда люк задраен я рапорт сдан,

И к центральному пульту сел капитан,

И на трассе разгона препятствий нет,

И на всех приборах зеленый свет —

Слушай гимн ракет!

Слушай вой громовой!
В койку вдавлен спиной,
Ты не двинешь рукой,
Ты приплюснут собой,
Как чугунной доской,
А корабль твой стальной
Весь дрожит, как больной,
Словно склеен с Землей, —
Но взвивается он,
Как струна напряжен,
Под гимн ракет!

— пришел к нему не в ту пору, когда он еще служил ракетным машинистом, а позже, на рейсе Марс-Венера, где он был бесплатным пассажиром и просиживал вахты со старым товарищем по космосу.

В барах Венисбурга Райслинг пел свои новые песни и некоторые из старых. Кто-нибудь пускал шапку по кругу, она возвращалась с обычным вознаграждением менестреля, часто удвоенным или утроенным, — в знак признания благородного духа, таившегося в этом опустившемся человеке с закрытыми повязкой глазами.

Это была легкая жизнь. Любой космический

порт был его домом, любой корабль — его личной яхтой. Ни один шкипер не отказывался взять на борт лишнюю массу — слепого Райслинга и его аккордеон: он шатался из Венисбурга в Лейпорт, и дальше через Драйуотер в Новый Шанхай, или обратно, подчиняясь только собственным прихотям. Но при этом он никогда не приближался к Земле ближе космической станции Супра-Нью-Йорк. Даже договор на издание «Песен Звездных Путей» он подписал в кабине космического лайнера где-то между Луна-Сити и Ганимедом. Горовиц, его первый издатель, проводя на борту свой второй медовый месяц, услышал, как Райслинг пел на корабельном вечере. Горовиц умел на слух распознать вещь, которую стоило издать. Он не оставлял Райслинга в покое, пока «Песни» не были полностью записаны на магнитофонную пленку тут же в радиорубке корабля. Последующие три тома песен из Райслинга удалось выжать в Венисбурге, куда Горовиц послал агента, который накачивал космического менестреля спиртным, пока тот не спел все, что мог припомнить.

В сборнике «Старт», без сомнения, не все принадлежит Райслингу, но, во всяком случае, значительная часть, а уж «Песнь ракет», бесспор-

но, написана им. Однако большинство стихов было собрано лишь после смерти Райслинга у людей, которые познакомились с ним во время его скитаний.

«Зеленые холмы Земли» создавались в течение двадцати лет. Самый ранний вариант, о котором мы знаем, появился на Венере во время попойки с завербованными рабочими, еще до того, как Райслинг ослеп. В стихах изображались картинки будущей земной жизни его собутыльников, в случае если бы им удалось когда-либо выплатить свои долги и получить право вернуться домой. Некоторые строфы звучали вульгарно, другие нет, но ритм будущих «Зеленых холмов» можно узнать сразу же.

Мы знаем точно, когда и где сложилась окончательная редакция «Зеленых холмов».

В Эллис-Айленде на Венере находился корабль, который должен был лететь оттуда прямо на Землю, в Грейт-Лейкс, Иллинойс. Это был старый «Фалькон», последний корабль класса «Хаук» и первый, который должен был совершить рейс в соответствии с новой политикой гарриманов-ского треста, предусматривавшей экспрессное беспересадочное сообщение между Землей и всеми космическими поселениями с заранее

предусмотренными остановками.

Райслинг решил вернуться с ним на Землю, — возможно, под влиянием собственной песни, а может быть, просто захотел еще раз увидеть свой родной Озарк.

Компания теперь больше не разрешала бесплатного проезда на своих кораблях, Райслинг знал это, но ему никогда не приходило в голову, что новое правило может относиться к нему. Для космоса он становился стар и слишком привык к своим привилегиям. Это не было старческим недомыслием — просто ему было известно, что он стал одной из достопримечательностей космоса, так же как комета Галлея, кольца Сатурна или Брюстеровская расселина. Он вошел на «Фалькон» через люк для команды, спустился вниз и устроился как дома на первой свободной противоперегрузочной койке.

Капитан нашел его там при своем последнем обходе корабля перед стартом.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Плетусь обратно на Землю, капитан, — Райслингу не нужны были глаза, чтобы узнать обладателя четырех капитанских шевронов.

— На этом корабле вы не поплететесь! Вы что, правил не знаете? А ну-ка, убирайтесь отсюда!

Корабль сейчас стартует.

Капитан был молод, он пришел в космос уже после того, как кончилась активная служба Райслинга, но Райслинг хорошо знал этот тип космонавтов: пять лет в гарримановской школе, — и только учебные полеты вместо солидного, большого опыта. У этих двух людей не было ничего общего, и мыслили они по-разному; космос становился другим.

— Послушайте, командир, вы же не откажете старому человеку в поездке домой.

Офицер заколебался, кое-кто из команды подошел послушать.

— Это от меня не зависит. «Закон о мерах безопасности в космосе», статья шестая: «Никто не может отправится в пространство, кроме имеющего свидетельство члена команды надлежащим образом зафрахтованного корабля или пассажира, купившего билет на такой корабль, в соответствии с правилами, которые могут быть выпущены в развитие этого постановления». Вставайте и убирайтесь!

Райслинг повернулся на спину и заложил руки за голову.

— Ну что ж, раз мне надо убираться, то черт меня побери, если я пойду сам. Вынесите меня.

Капитан закусил губу и приказал:

— Начальник охраны! Удалите этого человека.

Полицейский задумчиво посмотрел куда-то на верхние стойки.

— Не могу, командир, я вывихнул плечо.

Другие члены команды, стоявшие здесь минуту назад, словно растворились в воздухе.

— Хорошо, организуйте рабочую команду!

— Есть, есть, сэр! — Полицейский тоже исчез.

Райслинг заговорил снова:

— Послушайте, шкипер, не будем ссориться. Если вы сами согласны взять меня, то у вас есть лазейка — параграф о «Космонавте в бедствии».

— «Космонавт в бедствии», черт бы вас побрал! Вы не космонавт в бедствии, а космический сутяга. Я хорошо вас знаю — вы шляетесь по космосу уже много лет. Так вот, на моем корабле этот номер не пройдет. Параграф был предусмотрен, чтобы помочь людям, отставшим от своих кораблей, а не для того, чтобы бесплатно таскать какого-то бродягу по всему пространству.

— Ну что ж, командир, а можете ли вы сказать по чести, что я не отстал от своего корабля? Я ни разу не был дома после того рейса, в котором в последний раз был членом экипажа. Закон гласит, что я имею право на обратный рейс.

— Но это же было давным-давно. Вы потеряли свое право.

— Так ли? В законе нет ни слова о каком-то определенном сроке, в течение которого человек может использовать свое право на обратный рейс, там только сказано, что такое право у него есть. Пойдите посмотрите, шкипер. Если я неправ, то немедленно уберусь отсюда и принесу вам глубочайшие извинения при всей команде. Сходите взгляните. Проявите спортивный дух.

Райслинг чувствовал на себе пристальный взгляд капитана. Потом капитан повернулся и вылетел из кубрика. Райслинг знал, что поставил капитана в глупое положение, использовав свою слепоту, но такие соображения его не смущали — он даже испытывал некоторое удовольствие.

Через десять минут прозвучала сирена, и он услышал команды, передаваемые через репродуктор внешним постам. Когда тихое шипение в люках и небольшое изменение давления в ушах дали ему знать, что старт близок, он встал и пробрался в машинное отделение, — ему хотелось быть около ракет, когда они заревут. В проводнике на корабле класса «Хаук» Райслинг не нуждался.

Авария произошла во время первой вахты. Рай-

слинг сидел развалившись в кресле инспектора, перебирая клавиши своего аккордеона и сочиняя новый вариант «Зеленых холмов»:

Я хотел бы без нормы, вволю
Надышаться среди долин…

— И тут… что-нибудь такое… вроде… вроде… Земли:

Чтоб овеял меня добрый ветер,
Чтоб легко мы вздохнуть смогли
На далекой родной планете,
На зеленых холмах Земли.

«Это уже лучше», — подумал Райслинг.

— Как тебе это нравится, Арчи? — громко спросил он, и его голос пробился сквозь уже приглушенный рев.

— В общем, здорово. Давай-ка всю штуку.

Арчи Магдугал, главный ракетный машинист, был старым другом Райслинга и по космосу и по выпивкам, — он служил учеником под командой Райслинга много лет и миллионов миль тому назад.

Райслинг исполнил желание Арчи, затем перешел к другой теме:

— Вам, молодежи, легко. Все автоматизиро-

вано. В те времена, когда я дергал «ее» за хвост, приходилось быть всегда начеку.

— И сейчас нужно быть начеку.

Они затеяли профессиональный разговор, и Магдугал показал поглощающее устройство прямого действия, заменившее устаревшее управление с помощью верньера, которым когда-то пользовался Райслинг. Райслинг ощупал все рычаги и расспрашивал до тех пор, пока не познакомился как следует с новой системой управления. Это было его «пунктиком» — по-прежнему считать себя ракетным машинистом, для которого теперешнее занятие трубадура было просто временным выходом, пока не кончится ссора с компанией, возможная у каждого.

— Я вижу, у вас есть и старые поглощающие экраны, — заметил он, когда его ловкие пальцы пробегали по пульту управления.

— Да, только без приводов. Я их отсоединил, они заслоняли приборы.

— Их следовало бы привести в порядок. Они могут понадобиться.

— Ну, не знаю. Я думаю…

Райслинг так никогда и не узнал, что думал Магдугал, потому что именно в этот момент все и началось.

Магдугал оказался прямо на пути пучка радиации, который сжег его на месте.

Райслинг понял, что случилось. Его рефлексы автоматически сработали. Он сразу осознал опасность, и в тот же момент нажал кнопку сигнала тревоги, ведущего в рубку управления. Тут он вспомнил про снятый привод. Ему пришлось ощупать все кругом, пока не удалось найти соединения, при этом он старался нагибаться пониже, чтобы использовать ограждения, как защиту. Если бы только не эти проклятые приводы... Для Райслинга здесь было так же светло, как и в любом другом месте; он знал каждый уголок, каждую рукоятку не хуже, чем клавиатуру своего аккордеона.

— Машина! Машина! Что случилось?

— Не ходите сюда, — кричал Райслинг. — Здесь «горячее» помещение.

Он чувствовал излучение лицом и всем телом, словно раскаленное солнце пустыни.

Он присоединил приводы, проклиная всех разом и поодиночке, потому что не мог довернуть как следует гайку, потом он попытался устранить аварию вручную. Но это была долгая и сложная работа. Наконец он решил, что нужно катапультировать весь двигатель вместе с реактором, и

нажал кнопку вызова.

— Рубка!

— Есть, есть рубка.

— Катапультирую третий двигатель — авария.

— Это Магдугал?

— Магдугал погиб. На вахте Райслинг. Приготовьтесь записать.

Ответа не последовало: командир был ошарашен. Впрочем, он все равно не мог вмешаться в аварию в машинном отделении. Он обязан был думать о корабле, о пассажирах и о команде.

Капитан, должно быть, удивился еще больше, услышав, что передавал для записи Райслинг. Это звучало так:

Мы бродили в болотах Венеры,
В зловонье собственных ран,
В мокрых джунглях клубился серый,
Кишащий смертями туман.

И, работая, Райслинг продолжал свой рассказ о Солнечной системе — «сверкающая почва Луны», «радужные кольца Сатурна», «замерзшие ночи Титана», — он диктовал эти строки, одновременно открывая, закрывая и прочищая двигатель, и закончил припевом:

Мы обшарили все шарики в пространстве,

Повидали мы их и вблизи, и вдали…

Дай, судьба, нам опять дом родной увидать

И зеленые холмы Земли!

Затем, будто в каком-то трансе, он повторил переделанный первый куплет:

Но Пространство зовет беспокойно.

Значит — снова на борт корабля!

Старт-сигнал! К перегрузке по койкам!

И опять провалилась Земля.

И уносит людей ракета

Сквозь холодный звездный туман, —

До последнего края света

Пусть летят корабли землян!

Корабль был спасен и мог спокойно идти домой, ковыляя без одного двигателя. В этом Райслинг не сомневался. С ним самим, по-видимому, дело обстояло гораздо хуже. Что «ожог» был силен — это он знал. Он не мог видеть сверкающий розовый туман, среди которого работал, но прекрасно понимал, что творится в машинном отделении.

Райслинг привел в действие вентиляционную установку, выпуская воздух через забортный клапан, и не выключал ее до тех пор, пока уровень радиации не снизился настолько, что помещение стало безопасным для человека в защитном костюме. И тогда он передал еще один припев, подлинные и последние строки, созданные Райслингом:

Дай, судьба, нам последнюю посадку
На планете, где мы родились и росли,
Дай увидеть покров голубых облаков
И зеленые холмы Земли!